
1893

1893 год.

3 января. 11½ часов вечера. С.Ф. теперь в собрании историков. Я хотела было пойти к Ламанским, но не пошла из-за глупой истории с прачкой, к[ото]рая меня очень расстроила. Больше всего меня расстраивает мысль, что я вышла из себя, была, может быть, несправедлива, и это при Ниночке, к[ото]рая уже многое понимает. Господи, как это трудно жить, то есть всегда в жизни поступать справедливо; право, гораздо легче переводить Аристотеля, чем держаться, как следует, во всех этих столкновениях и историях с прислугой. И как унижаешь себя перед собой и другими в такие минуты! Теперь, например, я ничем не могу заняться, так меня мучит вся эта история, которая, в сущности, ничего не стоит.

Вчера вышла янв[арская] книжка «Журн[ала] Мин[истерства народного просвещения]», в к[ото]рой напечатан мойⁱ перевод 1-й половины II книги «Риторики»ⁱ. Ернштедт потерял мою рукопись, так что перевод пришлось печатать по черновику. Мне пришлось страшно много возиться с гранками и корректурами, тут подоспело Рождество с массой хлопот по хозяйству, и в результате я так устала и стала до такой степени раздражительна, что сама этим мучусь. Итак, усталость – вот господствующее настроение, с к[ото]рым я вступаю в новый [18]93 год. Невесело у меня на душе, хотя я и утешаю себя мыслью, что сто́ит мне отдохнуть, чтобы мое мрачное настроение исчезло.

Недавно один из бывающих у нас студентов сообщил С.Ф-чу, что в университете на лекциях Кареева и Гревса очень заметно присутствие посторонних личностей (то есть переодетых полицейских агентов)ⁱⁱ.

Теперь уже всем известно, что так называемая вторая жена Шляпкина – Варгунина бросила его и, уезжая, предложила ему 10 тысяч рублей; он будто бы был так потрясен ее отъездом, что взял деньги и теперь участвует, как пайщик, в каком-то мыловаренном заводе! С.Ф-чу иногда становится страшно, как бы Шляпкин не покончил с собой, иногда же, напротив, кажется, что Ш[ляпки]н так низко пал, что не может даже прийти к мысли о самоубийстве.

ⁱ Слово мой вставлено над строкой.

ⁱⁱ Текст со слов на лекциях до агентов сбоку на правой стороне листа отмечен карандашом.

В одну из наших сред курсистка Ларионова передала С.Ф-чу свою карточку с очень интересной надписью, смысл к[ото]рой тот, что она выше всего ставит в С.Ф. его постоянное стремление к истине и пренебрежение ко всякого рода внешности. И С.Ф-ча, и меня очень тронула эта надпись, и нам захотелось, так сказать, ввести Ларионову к себе в семью, тем более что она, как оказывается, круглая сирота, но она совсем исчезла с нашего горизонта с тех пор, как передала карточку С.Ф-чу.

Вчера у Вас[илия] Гр[игорьевича] был раут, по случаю его именин. Был там и Лаппо-Данилевский, к[ото]рый, в разговоре о Милюкове, назвал его глупым и прямо дураком за его речь на диспуте², ответ на рецензию Безобразова³ и, наконец, за его академическую рецензию на книгу Л[а]п[по]-Дан[илевско]го⁴. А мне все-таки жаль, что я теперь не вижу и не говорю с Лаппо-Дан[илевски]м: по-моему, он хоть и грубый и неотесанный человек, но все-таки интересный.

Недавно Постникова с горем говорила С.Ф-чу, что Степанов не пользуется никаким успехом в массе слушательниц: они смеются над его лекциями, его жестами и мимикой; сама Пост[нико]ва очень уважает его как человека, но все-таки признает, что как лектор он невозможен – до такой степени он вял и скучен. Очень грустно это слышать и невольно ропщешь на судьбу, к[ото]рая так жестоко обделила Ст[епано]ва в нек[ото]рых отношениях.

Филевичи. Рашевский. Лучицкий о Бубнове. Коркунов. Визит Гревса. Пресняков о Гревсе и Введенском. Сказитель Рябинин. Проекты на лето¹.

13 января. Сегодня среда. У нас собралось много народу, дамы все разошлись, но мужчины еще сидят. На этих Святках⁵ я познакомилась с женой Филевича, урожденной Бестужевой-Рюминой; она очень мила, гораздо симпатичнее своего мужа.

На праздниках был у С.Ф. Гербач и рассказывал, что положение Рашевского в Петр[овском] уч[илище] сильно пошатнулось: со времени разглашения его романтических походов с одной из преподавательниц училища купцы, члены попечительного совета, попросили его не приглашать больше для преподавания женщин; затем они постановили отнять у него ту часть его жалованья, к[ото]рую он получал за совмещение якобы должности инспектора с своей должностью директора, и хотят, чтобы был в училище инспектор, чего Р[ашевск]ий так не желал. И все это, к[а]к выражается Гербач, он съел и не то еще съест, так как ему деньги нужны!

На Святках Степанов видел у Кареева профессора Киевского университета Лучицкого, спросил его о Бубнове и был поражен холодным презрением, с каким Л[учицк]ий говорит о Б[убно]ве: здоров, катается, танцует... читает что-то, право не знаю – что, нужно посмотреть в обозрении преподавания. И это говорит профессор о другом профессоре одного с ним университета и одной специальности! И Чечулин, к[ото]рый летом видел в Киеве Бубноваⁱⁱ, говорит, что он удивительно опровинциализся: завивает усы, увлекается велосипедом и т.д. Неужели и это – пустоцвет? Неужели правы московские ун[иверситетск]ие люди, утверждающие, что и сам Б[убно]в, и его диссертация немножко стоят?

¹ Абзац написан карандашом.

ⁱⁱ Фамилия Коркунова исправлено на Бубнова.

Недавно в Лицее разыгрался большой скандал: Коркунова, профессора и инспектора классов Лицея, живущего в самом Лицее, поколотил в присутствии 3-го лица¹ военный доктор Монасеин, племянник профессора Монасеина, за то, что Кор[куно]в соблазнил его жену; говорят, что все это произошло в самом лицейском дворе. Вследствие этой истории К[оркуно]в оставляет должность инспектора, но продолжает читать лекции, хотя никто из профессоров его не видит: он прячется, да и как не прятаться? Интересно отношение Янсона к этой истории: К[оркуно]в такой талантливый человек, что ему и не это простишь, особенно если принять во внимание, что его нечем заменить; следовало бы за него написать диссертацию, чтобы дать ему возможность занимать кафедру по праву. Из слов того же Янсона оказывается, что профессор Монасеин женат на сестре К[оркуно]ва, к[ото]рая бросила мужа и живет с профессором Тархановым, а сам Кор[куно]в женат на сестре горничной этой Монасеиной, то есть приблизительно на горничной своей сестры. В довершение всего и жена, и дети К[оркуно]ва – сифилитики. Мне теперь уже жаль К[оркуно]ва, и мы с С.Ф. думаем, неужели К[оркуно]в не вызовет на дуэль оскорбителя? Едва разыгралась эта история, как С.Ф. получил от Дьяконова из Дерпта письмо с запросом, правда ли, что К[оркуно]ва били поклонники Свешникова за то что К[оркуно]в способствовал провалу диссертации «этого еще не признанного гения?»⁶ Это, конечно, вздор, но правда, что поклонники «гения» враждебно настроены против факультета.

5 января, днем, к нам совершенно неожиданно пришел Гревс; сидел он недолго, я показала ему детей, он поговорил с С.Ф. о курсах и университете; интересно, что он далеко не во всем согласен с комитетом, членом к[ото]рого он состоит. Я не могу выразить, как мне приятно было посещение Гревса: оно доставило мне нравственное удовлетворение – и вот в каком смысле: Гревс – безусловно умный, честный и стремящийся к правде человек. Перед своим отъездом за границу он у нас вообще не бывал, и для меня это значило, что в его глазах С.Ф., по своей личности и деятельности, не пользуется его уважением и признанием; конечно, такое отношение обижало и даже оскорбляло нас. Теперь, раз Гревс сам к нам пришел, значит, он признал деятельность С.Ф.-ча почтенной. Может быть, я преувеличиваю значение его визита, но все-таки я очень довольна.

Как-то в среду зашел разговор об унив[ер]сит[етском] преподавании, и Пресняков много говорил о том, что Кареев надоел студентам, что они его постоянно бранят и не ходят на его лекции, что его очень обижает. Гревса слушают охотно; на него теперь мода, как, по словам того же Пресн[яко]ва, теперь мода ругать Кареева, к[ото]рый перед Рожд[ество]м раньше всех проф[ессоров] закончил чтение лекций – и при 3 слушателях! – А Гревсу на курсах до сих пор не подали ни одного реферата; воображаю, как этоⁱⁱ его огорчает: он так желал и надеялся, что его семинарий осуществится еще до Рождества. – Говорили также о Введенском: оказывается, что он, в своих последних статьях, как будто покинул область строго критической философии; я не читала, к сожалению, этих статей, но прочту непременно. Пресн[яко]в

ⁱ Слова в присутствии 3-го лица вставлены на левом поле.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто ему.

думает, что это – до некоторой степени Каносса⁷, а мне приходит в голову, не болезнь ли Вв[еденско]го всему причиной?

Теперь в П[етер]бурге «сказитель», певец былин Рябинин; я надеюсь услышать его 26-го, на курсах.

22 января. Все последнее время я полна впечатлениями от семейных дел Пуст[ошкины]х; положение теперь такое: Варя с мужем в чахотке⁸ и с новорожденным сыном в Канне, в отеле, совсем одна и теряет голову; Надя, к счастью, поспевшая к ее родам, уехала обратно в Берн, когда Варя встала и ребенка окрестили (его назвали Георгием). Теперь Тат[ьяна] Вл[адимировна] и Даша не знают, что делать; кажется, Даша поедет в Канн с нянькой для ребенка. – Обе сестры Коссович теперь в Берне, где Варв[аре] Самс[оно]вне ее учитель Кохер только что вырезал опухоль из живота. Бедная! Я не понимаю, зачем столько раз резать человека, раз констатировано, что у нее чахотка спинного мозга, то есть что он безнадежен. Положим, В[арвара] Самс[оно]вна сама этого хочет. Перенесет ли она эту операцию? Страшно и думать об этом.

А мы на лето все шутя собираемся в Давыдовку, стараясь не думать о холере.

9 февраля. Все последние дни я удивительно радужно настроена – по следующим причинам: 1) окончилось печатание II книги «Риторики»⁹, к[ото]рая доставила мне так много тяжелых минут и о к[ото]рой теперь я стараюсь не думать, 2) я кончаю кормить Сережу и, как всегда в подобных случаях, удивительно живо чувствую свою свободу: я рассчитываю кое-что прочесть, кое-чем заняться на свободе.

Даша уехала к Варе, везя с собой кормилицу.

Виноградов напечатал уже свой учебник по древней истории, но не хочет пускать его в продажу, пока он не будет одобрен Уч[еным] ком[итетом]¹⁰, где его будет рецензировать Васильевский; последний, а также Ламанский получили от него экземпляры с надписью. Вин[оградо]в просил Гревса написать о его учебнике рецензию¹¹ – нечего сказать, умело действует, добиваясь успеха!

А история с Коркуновым разрешилась в том смысле, что он оставил место инспектора классов в Лицее. Бершадский также оставил место секретаря совета в Лицее, к[ото]рое получил Яроцкий, получивший также и казенную квартиру (бывшую Коркунова), в к[ото]рую немедленно и въехал. Я удивляюсь, как либерализм Яроцкого, Кареева и tutti quantiⁱ уживается с таким аристократическим и, в сущности, зловредным и непорядочным учреждением, как Лицей. Мне почему-то кажется, что Яроцкий должен был отпраздновать новоселье большой попойкой, на к[ото]рую пригласил, конечно, только самых либеральных людей.

В субботу (6-го) мы были у Ламанских; я встретила там племянниц покойного профессора Минаева¹² – художниц Шнейдер, одну из которых я когда-то знала на курсах. Мы с ней заговорили о неудавшемся чтении лекций на курсах Валериана Майкова^{12а}: по ее словам, этот Майков ей не симпатичен, кажется ей злым, но все-таки она должна признать, что он умен, образован, начитан; с другой стороны, она помнит, какие невозможные преподаватели бывали у нас на наших прежних курсах, и все-таки на их лекции кое-кто ходил; все

ⁱ Все они (итал.).

это, вместе взятое, делает для нее совершенно непонятным такое быстрое и полное фиаско Майкова. С.Ф., когда я передала ему об этом разговоре, также находит, что во всем этом деле было что-то предвзятое. Теперь, по словам той же Шнейдер, Майков, к[ото]рый давно уже пьет, уйдя с курсов, остался совсем без занятий и с горя запил. Как много во все этом тяжелого!

15 февраля. В этом году университетский акт вместо 8 февраля был 7-го, так как 8-е приходилось на Чистый понедельник¹³. На акте произошел нек[ото]рый скандал, впрочем, не особенно заметный: когда, после исполнения какого-то гимна, специально написанного Главачем для подобных торжественных случаев, публика стала аплодировать и кричать bis, слышалось довольно-таки энергичное шиканье, к[ото]рое в конце концов было заглушено аплодисментами. Впрочем, говорят, шиканье относилось специально к автору гимна Главачу – и вот за что: до назначения ректором Никитина концерты в пользу студентов устраивались оркестром и инспекцией, в частности Главачом, дирижером оркестра, и Цивильковым – инспектором; в руках последнего была вся отчетность, никакого контроля не было; они подобрали себе партию распорядителей-студентов себе под стать и самым беззастенчивым образом клали в карман вырученные от вечеров деньги, выдавая из них обществу для вспомоществования студ[ентам] столько, сколько хотели. С вступлением Никитина¹ в должность ректора студенты обратились к нему с просьбой разрешить им самим устраивать вечера, помимо оркестра и инспекции. Н[икити]н разрешил это, не поддержал инспекцию, вследствие чего Цивильков вышел в отставку. Теперь, слава Богу, студенческие деньги идут на студенческие нужды, и популярность Никитина среди студентов, благодаря этой истории, окончательно упрочилась.

7-го ночью, после 12 часов, толпа студентов человек в 50 явилась к ресторану Палкина и потребовала, чтобы его отворили, ссылаясь на то, что в Аничковом дворце бал продолжается всю ночь, значит, и им можно веселиться всю ночь. Ресторан сначала не отперли, тогда студенты взломали его дверь задвижкой, к[ото]рую тут же вытащили из запертого окна фрук[ового] магазина Соловьева. Фон Валь в это время был в Аничковом дворце на балу, его оттуда вызвали для умирения буйствовавших. Впрочем, кажется, все кончилось благополучно, только у Палкина в темноте побили много посуды.

12-го, в пятницу, на курсах был совет о IV курсе – как его выпускать? Решили, ввиду 20 с лишком прошений о разрешении на будущий год слушательницам, кончившим курс, продолжать слушание лекций по нек[ото]рым предметам, – просить министра о даровании подобного разрешения лицам, о к[ото]рых профессора дадут соответствующие отзывы. Плата за слушание лекций для кончивших – 10 рублей в год, независимо от числа предметов, к[ото]рые слушательница пожелает слушать. – Затем много говорили о том свидетельстве, к[ото]роеⁱⁱ будут выдавать кончившим: M[ada]me Шифф, говорят, все кричала, что в свидетельстве не нужно обозначать годы слушательниц! Просто стыдно, что эта Шифф служит представительницей женщин-профессоров. Вообще на совете было много вздору: Кулину, говорят, просто

ⁱ Фамилия Никитина вставлена над строкой.

ⁱⁱ Слово к[ото]рый исправлено на к[ото]рое.

нужно было, в качестве председателя, звонить и призывать к порядку, а то с двух концов стола рассказывались анекдоты. С.Ф., Кареев, да и кое-кто еще глубоко возмущены этим советом: в сущности по поводу первого выпуска нужно было обо многом поговорить серьезно, но ничего из этого не вышло.

В субботу, 13-го, было факультетское заседание, где вторично экзаменовался по славяноведению ученик Ламанского – Липовский, однажды уже проваленный им¹⁴. С.Ф. говорит, что экзаменовали его (Л[аманск]ий и Со-болевский) страшно долго и впечатление от его ответов получалось довольно жалкое. Вообще С.Ф. думает, что Липовский – не крупный, многообещающий человек, а «мазурик»; я мало его знаю, но думаю, что С.Ф. слишком безнадежно на него смотрит.

Сейчас принимаюсь за рецензию на книгу Лихачевой «История женского образования»¹⁵.

Веселовский и Котляревский. Экзамен Гревса на курсах. Сырку и университетская касса.

25 февраля. 19-е прошло не совсем спокойно¹⁶: накануне на курсах было некоторое волнение по поводу того, будут 19-го лекции или нет. Лекции были, и все прошло тихо. Накануне же С.Ф. получил по городской почте анонимное литографированное послание от студентов с просьбой «не мешать им праздновать 19-е», то есть, вероятно, не приезжать на лекции. С.Ф. поехал, был в университете на молебне и затем читал лекции – все прошло для него спокойно, но зато, когда профессора шли с молебна, студенты освистали Коновалова, к[ото]рый в этот день утром читал лекции, упомянув, впрочем, в начале лекции о «великом дне» и предложив почтить его вставанием. Интересно, что Гревс, к[ото]рый в этот день в университете не читает и к[ото]рый нарочно приехал туда с курсов, и Ольденбург ушли из профессорской раньше всех профессоров, к[ото]рые, идя в церковь, видели их среди студентов в той зале, где потом была сходка и разыгрался скандал. Были ли они в церкви, неизвестно, но после скандала С.Ф. Гревса совсем не видел, а Ольденбурга видел в профессорской смущенным¹, как показалось С.Ф.-чу. Я бы желала знать, какую роль они разыграли во всей этой истории?ⁱⁱ

В Казанском университете два больших скандала: в газ[ете] «Волжский вестник» в фельетоне изобличили Осокина¹⁷ (не назвав его прямо, но выражаясь так, что не узнать его невозможно – см. «Русскую мысль», февраль, [18]93 г.¹⁸) в том, что он, имея возможность влиять на назначение женщин на нек[ото]рые должности, требовал за это отⁱⁱⁱ молодых девушек взятку натурой. Все узнали Осокина, но он не отозвался на этот вызов («Русская мысль» удивляется его «толстокожести»); зато его товарищи-профессора, сотрудники «Волжского в[естника]», увидели в этом сообщении «нарушение правил литературной этики» и заявили о своем выходе из редакции¹⁹. Вся эта история осложнилась еще кое-какими инцидентами и прогремела на всю Россию. Каковы же господа профессора Каз[анского] университета, а особенно господин Осокин!

¹ Текст со слов была сходка выделен карандашной чертой на левом поле.

ⁱⁱ Текст выделен карандашной чертой на правом поле.

ⁱⁱⁱ Предлог от вставлен над строкой.

2)²⁰ История с диссертацией Фирсова-младшего: он представил ее в рукописи декану Беляеву для напечатания в универс[итетских] записках, Беляев передал ее для рассмотрения Корсакову, к[ото]рый нашел ее тенденциозной, не только не научной, но и не цензурной; тогда Бел[яе]в, не передавая ее другим членам факультета, возвратил ее автору «для исправления», а автор обиделся и написал министру донос на Беляева, обвиняя его «в превышении власти и других преступлениях по должности»²¹ (как пишет Беляев В[асилию] Гр[игорьевичу] Дружинину²²). Вероятно, С.Ф.чу пришлют это дело для заключения²³.

18 Марта. Тэн придавал огромное значение фактам; это руководило всей его методой; он был позитивистом в самом тесном смысле слова. Между фактами и их знанием есть некоторого рода пропорциональность, к[ото]рую нужно уловить инстинктом. Вот этого-то инстинкта всегда не хватало у Тэна, для этого он был слишком интеллектуален...

Он, к[ото]рый более всякого другого способствовал образованию натуралистической школы, питал истинное отвращение к натурализму... В личности Тэна существовал нек[ото]рый разлад между человеком и мыслителем: собственно человек отличался крайнею застенчивостью, был робок, боязлив и склонен страшиться будущего; он ожидал самых худших вещей. Как мыслитель, он совершил подвиг величайшего мужества, изучая революционный период так, как он изучал его; он произнес приговор над обществом, вышедшим из революции.

Тэн нанес жестокие удары исключительной теории якобинских догматов, и приходится смотреть на него, как на одного из самых усердных деятелей реакционного движения, к[ото]рое обрисовалось два, три года тому назад и обостряется в настоящий момент (Эдуард Род, «Нов[ое] время», 1893, 18 марта)²⁴.

Тэн в точном научном методе стал искать средства обновления для философии, для литературной критики и для истории. В этом заключалась его жизненная задача.

Исходныеⁱ пунктыⁱⁱ философии Тэна: 1) учение об общих идеях и идея развития; это – два философские дара, к[ото]рые современная Германия оставила в наследство человеческому роду (Гегель и Гете), 2) система Милля: для экспериментальной философии всякий предмет есть не что иное, как груды явлений; они – единственныеⁱⁱⁱ элементы^{iv} нашего знания; так[им] обр[азом], все усилие нашей науки должно заключаться в том, чтобы к одним фактам прибавить другие или один факт связать с другим. «Посмотрите, что из этого выходит, говорит Тэн приверженцу Милля: опаривая у науки возможность знать первые причины, т[о] е[сть] божественные явления (les choses divines) вы вынуждаете человека сделаться скептическим, позитивным, утилитарным, если у него ум сухой, или же мистическим, экзальтированным методистом, если у него живое воображение». Тэн идет между двумя воззрениями: практическим (английским), к[ото]рое смотрит на природу, как на груды

ⁱ Исходный *исправлено на* Исходные.

ⁱⁱ пункт *исправлено на* пункты.

ⁱⁱⁱ единственный *исправлено на* единственные.

^{iv} элементы *вставлено поверх* зачеркнутого источник.

фактов, и спекулятивным (немецким), к[ото]рое видит в природе систему законов. Миссия французов – в том, чтобы умерить, исправить, пополнить эти два духа – один с помощью другого.

По мнению Тэна, несмотря на узость нашего опыта метафизика, т[о] е[сть] изучение первых причин, возможна, под условием, что надо оставаться на большой высоте, что не надо спускаться в детали, что надо рассматривать только самые простые элементы бытия и самые общие течения в природе. Для этого нужно анализировать понятия и факты, подводить каждую группу фактов под их причину, к[ото]рая также есть факт. Когда это будет сделано во всех областях и для всех наук, факты сократятся, их заменят формулы. И в них мы раскроем единство вселенной и поймем то, что ее создало. Она произошла от общего¹ факта, подобного другим, от творческого закона (loi génératrice), из к[ото]рого другие вытекают. Конечная цель науки – этот верховный закон – и тот, кто мог бы перенестись в его недра, увидел бы вытекающим из него, как из верховного источника, вечный поток событий и безбрежное море явлений (Герье. «Русск[ие] вед[омости]», 1893, март 16)²⁵.

1893 год

Август.

26 августа. Почти полгода не бралась я за дневник: 20 марта скончался наш мальчик, наш Сережа, – и тогда мне казалось, что не только писать дневник – вообще жить не стоит. Если теперь я собралась с духом и принялась опять писать, то не потому, что прошло уже 5 месяцев, а потому, что теперь я надеюсь взамен утраченного ребенка иметь нового: мне все кажется, что ко мне вернется мой мальчик, и жаль только, что нужно долго ждать – до апреля. Когда я почувствовала себя нездоровой, я не хотела верить своему счастью, и только с того дня душе моей вернулся покой; ни разу еще я не ждала рождения ребенка с такой радостью, как теперь; только бы поскорей проходили эти месяцы. Всю эту зиму я, конечно, мало буду выезжать, зато хочу много заниматься и надеюсь аккуратно вести свой дневник. С Ниночкой с 1 сентября начну правильные занятия; она уже порядочно читает, немножко пишет, знает много французских букв; начну учить ее музыке; сама хочу аккуратно играть, а главное – читать и учиться. Летом я начала переводить с немецкого языка Канта соч[инения] Виндельбанда и теперь буду продолжать перевод²⁶; кроме того, мне нужно заняться III книгой своей «Риторики», к[ото]рая будет печататься с января²⁷. Вообще дела много и энергии много. Хочу прочесть много книг, для которых до сих пор у меня не хватало времени. Как-то особенно совестно становится за свое невежество, когда смотришь на своих подрастающих детей и думаешь, что их всему нужно научить. Хочу, между прочим, заняться географией. Карту России мы повесили в детской, и Ниночка любит находить на ней Москву и П[етер]бург и показывать, как мы ехали в Самару и оттуда. Я рада, что опять принялась за дневник: ведь трудно только начало.

Виленский съезд²⁸.

Весеннее политическое убийство.

25 ноября. Начала – и три месяца не писала: то хворала, то была в подавленном настроении, то Верочка у меня прихворнула. Теперь понемногу все входит

¹ творческого исправлено на общего.

в колею, только за последнюю неделю нас всех перебрала легкая инфлюэнца, продолжающаяся у каждого всего 1–2 дня. Сегодня очередь Ниночки: у нее жарок, и она все спит, но, вероятно, все кончится пустяками.

В этом году наши среды.

30 ноября. Третьего дня был диспут одесского Яковлева (об Измарагде)²⁹. Это удивительно озлобленный человек. Положим, как он сам говорит, он 11 лет в своей жизни пролежал в постели (у него искусственное горло); конечно, от этого можно озлобиться, но все же его постоянные толки о «Ване Некрасове», ректоре Одесского университета, к[ото]рого он иначе не называет, как рыжим ослом, за что его призывали к попечителю для официального объяснения, о Кочубинском, Перетятковиче и др., постоянные анекдоты – все это надоедает. Диспут его, говорят, прошел так себе: Соболевский сильно пощипал его, доказав, что он не знает некоторых рукописных источников Измарагда, а Незеленов расхвалил и вообще был ниже всякой критики. Впрочем, говорят, его чахотка настолько развилась, что ему, вероятно, остается уже недолго жить. 27 ноября скончался в Москве Тихонравов: я как-то привыкла считать его неотъемлемой частью Моск[овского] университета и потому мне его особенно жаль.

Вчера днем заходила Постникова по делу к С.Ф-чу, не застала его и посидела со мной; сообщила, что Пушкарева выходит замуж за Котляревского, что не мешает ей, впрочем, кокетничать со всеми направо и налево. Теперь она повела атаку на Степанова, но Пост[нико]ва страшно на нее за это обрушилась, а Ст[епано]в, кажется, начал «клевать». Вот удивительный человек, отец четырех детей! Между прочим, Пушк[аре]ва сообщила Постниковой, что на ее вопрос Степанову, за что С.Ф. ее не любит (а С.Ф. действительно ее не выносит), С[тепано]в отвечал, что С.Ф. любит первенствовать в обществе и потому не терпит ее как личность выдающуюся, могущую также играть видную роль. Вот уж признаюсь! Интересно только было бы знать, правда ли, что Ст[епано]в это говорил.

6 декабря. Вчера Ст[епано]в был у нас и рассказывал, чем, по мнению докторов, вызван новый взрыв холерной эпидемии (его брат, доктор, заведует холерным отделением в Мариинской больнице): холера вдруг усилилась с Георгиевского праздника³⁰, когда Георгиевских кавалеров угостили во дворце таким скверным борщом, а главное, пирогом с такой ужасной рыбой, что после этого обеда холерой захворало сразу 40 человек Георг[иевских] кавалеров, захворали и их домашние, отведавшие принесенного ими пирога, – и почти никто не выздоравливает теперь, а раньше выздоравливало около 60 %.

Другим очагом холерной заразы является Николаевский институт³¹, где за последнее время было 19 холерных случаев. Причина – несвежая и непроваренная треска, которую заливали сырой водой. Вообще теперь всего больше говорят о несвежей рыбе, но что же есть бедному народу? Погода отчаянная: тепло и мокро, как же рыбе не портиться?

С.Ф. усиленно готовится к поездке в Москву. В последнее время он был не совсем здоров, все сидел дома, занимался, и теперь работа совсем захватила его. Время Бориса Годунова – тема благодарная и широкая, и дай Бог, чтобы С.Ф-чу удалось разработать ее так, как ему этого хочется. Я во всех отношениях рада за него, что он поедет, особенно если устроится его

совместная поездка с Дьяконовым³²: он отдохнет, развлечется и поработает, а я без него отменю наши среды и буду жить совсем уединенно, и оба мы отдохнем от тех сплетен и пересуд, которых много-таки приходится слышать с разных сторон.

В Москве открывается Историческое общество, подобное здешнему Кареевскому³³, и дело сразу началось с «истории»³⁴, как и здесь 5¹ лет тому назад: я не знаю, кому в Москве принадлежит мысль об основании общества, но честь его организации была уступлена Герье, который, вместе с Корелиным, повел дело так, что учредителями могут быть только лица, принадлежащие к факультету. Но вокруг Виноградова давно уже сгруппировался кружок историков не-факультетских, очень деятельный и много работающий. Они обиделись, что их не принимают в члены-учредители, собрались у Милокова (куда случайно попал ученик С.Ф-ча Рождественский, работающий эту зиму в Московских архивах), очень горячо обсуждали свое отношение к вновь возникающему обществу, по адресу которого (то есть Герье и Корелина) слышались такие резкие выражения, что хозяину становилось неловко, и решили представить Герье такой ультиматум: или все члены кружка должны быть приняты в члены-учредители без баллотировки, или они должны быть баллотированы корпоративно, все в одно заседание³⁵. Последнее, мне кажется, может быть для них лишь небольшим утешением. Чем кончится вся эта история, неизвестно.

12 декабря будет диспут Гельвиха, питомца Филологического института («О прилагательных у Плавта»)³⁷, которого страшно разносил в факультете Соболевский: он утверждал, что Гельвих – круглый невежда, что он не имеет понятия о сравнительной грамматике, что он не знает, что такое прилагательное, и думает, что оно означает состояние, что единственный вывод, который можно сделать из его книги, такой: нужно уничтожить Фил[ологическ]ий инст[иту]т. За Гельвиха вступились Шебор и Зелинский – и заседание факультета вышло очень бурное: они говорили, что Соболевский спорит против того, что в их науке признано неопровержимой истиной; беспрестанно слышались фразы вроде: об этом предоставьте знать нам, мы специалисты. Или: так говорит Моммзен; вам угодно с ним спорить? – В конце заседания оба они, и З[елинск]ий, и Шебор, заявили, что они не любят Гельвиха, но защищают его во имя справедливости. В результате Г[ельви]х прошел единогласно; даже Соб[олевск]ий, спрошенный последним, заявил, что он от других не отстанет. По собственному своему желанию, он назначен третьим официальным оппонентом³⁸. Посмотрим.

12 декабря. Сегодня С.Ф. уехал на диспут Гельвиха, а вечером мы едем на курсовой бал. Вчера я была в симф[оническом] собрании: прекрасно играл Сапельников, а «Демон» Направника мне не понравился. С.Ф. вчера был в педагогическом клубе, где в концертном отделении участвовали исключительно педагоги: Шукарев пел (баритон) неважно, Кайгородов играл на рояле, тоже, говорят, неважно. Героиней вечера была курсистка Чубинская (певица). Гуревич, главный устроитель этих вечеров, убеждал С.Ф-ча поступить в число членов клуба: он, Гуревич, взялся за это дело

¹ Цифра 4 исправлена на 5.

из-за идеи: педагогу с ограниченным заработком трудно принимать у себя знакомых, а здесь, в клубе, за 15 рублей ежегодного взноса он может раз 20 видаться со всеми. Эти соображения мне не кажутся убедительными: не одно и то же принимать у себя гостей и бывать в клубе. Многие наши знакомые и не поедут в этот клуб, а платить в первый год 40 рублей, а в следующие по 15 – все-таки неприятно. Да и нужно еще убедиться в том, вполне ли симпатичный характер носят эти собрания.

На днях Кулин рассказывал С.Ф., что, когда в прошлом году открывали бюст Ковалевской на курсах, Лихачева, жена бывшего городского головы, произнесла речь; не знаю, в чем эта речь заключалась; все это не имело официального характера, ни одного человека из посторонних при этом не было; тем не менее скоро после этого Валь (градоначальник) пригласил к себе Кулина и по писанному тексту прочел ему эту речь, говоря: «Вот что делается у вас на курсах». Интересно было бы знать, кто был шпион, успевший записать текст речи и сообщить его кому следует, когда никого из посторонних при этом не было?

С.Ф. недавно заходил в Археографическую комиссию к А[лександр]у И[ванович]у Тимофееву. Бедного старика, 56 лет прослужившего в комиссии³⁹, самым беззастенчивым образом выживает оттуда Бычков, ставший председателем комиссии после смерти Титова. Квартиру Тим[офее]ва, которая прежде сообщалась с помещением комиссии, теперь от нее отделили, заколотив наглухо дверь; ключи от него отобрали, ни к чему его не подпускают, под предлогом водворения большего порядка в комиссии. Но С.Ф. находит, что при прежнем «беспорядке» каждый, интересующийся русской ист[орией], мог прийти в комиссию и посмотреть то, что ему нужно, а при теперешнем «порядке» никакого толку там нельзя добиться. И как не стыдно Бычкову гнать 75-летнего старика! Конечно, Тим[офее]в человек не безупречный, но ведь и Бычков далеко не безгрешный человек: сажать своих сыновей на ответственные места⁴⁰, не подпускать никого столько лет к древлехранилищу Погодина и к капиталу, завещанному им за описание рукописей⁴¹, – разве это может называться честным? Интересен, между прочим, вот какой факт: как только Майков, став вице-президентом Академии наук, ушел из Публ[ичной] библиотеки, немедленно вслед за этим, без всякой уважительной причины, Бычков отставил от должности библиотекаря Сайтова⁴² – вероятно, потому, что ему покровительствовал Майков, к которому Бычков чувствует нечто вроде *jalousie de métier*ⁱ.

14 декабря. Сегодня С.Ф. закончил чтение лекций в университете и на курсах: с 16-го по 23-е он будет присяжным⁴³. Диспут Гельвиха прошел невозможно, по колоссальной глупости диспутанта. От Соболевского ему сильно досталось. Курсовой бал прошел очень удачно. На нем дело не обошлось без речей: говорили – Ядринцев, Семевский и Гревс. Вот, подумаешь, пророки, посредством этих речей выполняющие свою миссию! И везде, и всегда произносятся речи – и все одними и теми же лицами. Мне бы очень хотелось влезть в душу этих ораторов и узнать, что заставляет их произносить эти речи?

ⁱ Профессиональной ревности (*фр.*).

Скоро должны начаться на курсах публичные¹ лекции наших «старых» профессоров, читавших на наших прежних курсах, в пользу общества взаимной помощи окончивших курс на курсах⁴⁴. Может быть, прочтет что-нибудь и Бестужев. С.Ф. будет читать, но когда и о чем – еще неизвестно. – Из газет мы узнали, что Иловайский стремится доказать, будто Русь существовала гораздо раньше, чем это обыкновенно думают, – именно в I в. по Р[ождеству] Х[ристову], и приглашает на публичное единоборство несогласных с ним компетентных судей, буде таковые найдутся в С[анкт]-П[етер]б[урге] (вызов Васильевскому)⁴⁵.

¹ Слово публичные дотисано на левом поле.